

УДК 323

Долгосрочные факторы влияния региональных политических культур России на электоральный процесс

¹ Вадим Александрович Игнатенко

² Юрий Андреевич Пеницын

¹⁻² Кубанский государственный университет, Россия

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

E-mail: politics@kubsu.ru, vadlen23@gmail.com

¹ Соискатель

² кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье выявлены долгосрочные факторы влияния региональных политических культур России на электоральный процесс. Дается трактовка категорий «региональное сообщество», «региональная политическая идентичность». Определены проявления региональной специфики интересов и ценностей.

Ключевые слова: региональные политические культуры; Россия; долгосрочные факторы; влияние; электоральный процесс.

Введение. Политическая культура – одна из неинституциональных основ политики, среда и качественная характеристика политических систем. Парадигма политической культуры возникла вследствие ограниченности институционального подхода, который недостаточен для постижения духовных аспектов политики. Политическая культура – это совокупность форм и образцов поведения людей в политической сфере общества, они воплощают ценностные представления людей о смысле и целях политики, закрепляют принятые в обществе нормы и традиции политических отношений. Политическая культура связывает воедино политические институты и процессы с политическим сознанием через образцы поведения, ценности, эмоции, установки и стиль жизни. Культуры строятся пространственно, они локализованы (мир – страна – регион – местность).

Цель статьи – выявить долгосрочные факторы влияния региональных политических культур России на современный электоральный процесс. Среди задач исследования – дать трактовку категорий «региональное сообщество», «региональная политическая идентичность»; определить проявления региональной специфики интересов и ценностей.

Материалы и методы. Теоретические подходы к анализу системы факторов региональной политической культуры зародились еще в начале XX в. Французский исследователь А. Зигфрид, основавший «избирательную географию», выделял группы факторов электорального поведения [1]:

- особенности административного и социально-политического формирования региона;
- социальная структура региона (в т.ч. способ поселения и социальная стратификация);
- региональные предпочтения (т.е., поясним, динамические компоненты политического сознания);
- влияние на регион внешней среды и способность региона дать ответ на этот вызов (в т.ч. со стороны природного ландшафта).

Отметим стремление А. Зигфрида интерпретировать политическое самосознание системно, исходя из эмпирического выявления взаимосвязей разнородных факторов. С. Пэтерсон более конкретно определял совокупность факторов политических культур [2, с. 55]: групповые различия по социальным и духовным признакам (полу, классу, расе и этничности, образованию и религии); экономико-социальные особенности пространства; индикаторы экономического роста, индустриализация, урбанизация, миграции; исторические модели расселения; влияние институтов власти.

Наиболее системные и адаптированные для политической науки типологии факторов региональных политических культур России предложены в работах Е.В. Морозовой [3, с. 21], О.И. Орачевой [4, с. 29-35], М.В. Назукиной [5, с. 143-146].

Обсуждение проблемы. Совокупность базовых факторов региональной политической культуры включает в себя, прежде всего, долгосрочное существование региона как пространственной формы самоорганизации сообщества. Статус Комитета регионов Европейского Союза определяет регион как «территорию, представляющую очевидную общность с географической точки зрения, или такую территориальную общность, где есть преемственность и чье население разделяет определенные общие ценности и стремится сохранить и развить свою самобытность в целях стимулирования культурного, экономического и социального прогресса» [6]. Политический регион – такое внутригосударственное сообщество, которое устойчиво проявляет систему своеобразных ориентаций политической культуры и имеет ресурсы для их выражения в политическом процессе.

Региональное сообщество как субъект региональной политической культуры определяется как один из уровней территориальных общностей, члены которых связаны отношениями к пространству своей жизни и отношениями, производными от существования на совместной территории. Основа такой группы – связи и отношения между людьми по поводу различий своих условий жизни. Территориальные общности действуют ради обеспечения условий жизни, удовлетворения потребностей участников. Их активность воспроизводит нормы и механизмы культуры в повседневных практиках (работы М.Н. и Н.Н. Межевичей, Т.И. Заславской) [7, с. 48; 8, с. 215].

Региональная общность, как отмечает Д.В. Доленко [9, с. 126-127, 136, 146-148], – такой уровень территориального объединения, на котором относительно полно воспроизводится модель всего социума. Поэтому региональная общность более способна к самовоспроизводству (в т.ч. политическому) и к активности, чем поселенческие общности – городские и сельские. Если общности имеют политические институты власти и отстаивания публичных интересов, они становятся территориально-политическими общностями. На их активность влияют объективные факторы институционального свойства (наличие выборных органов власти и форм прямой демократии, статус неправительственных организаций и других акторов гражданского общества), субъективные качества групп (самосознание, ориентации культуры, стереотипы деятельности).

Е.В. Морозова определяет признаки территориальных сообществ, которые придают им статус субъектов политики [3, с. 64]:

- они способны к политическому действию в защиту своих интересов;
- имеют ресурсы, чтобы достичь своих целей и преодолеть сопротивление других общностей;
- они саморегулируемы;
- могут выбирать цель и средства, приемы ее осуществления;
- действия таких общностей или бездействия существенны для социума.

Развитое региональное самосознание (идентичность) – субъективное осознание индивидами и группами своего единства и отличий от членов других общностей. В основе идентичности – чувство принадлежности к «своей» общности. Согласно Э. Эриксону, идентичность – главное интегративное качество поведения, поскольку чувство принадлежности является одним из базовых потребностей человека. Значение идентичности определяют потребности в принадлежности к сообществу, в позитивной самооценке и в безопасности [10, с. 41-42]. Идентичность сочетает два комплекса представлений: позитивный и негативный.

В зависимости от историко-культурных и краткосрочных условий идентичность может быть «жесткой» или «размытой». Идентичность складывается не только на индивидуальном, но и на групповом и общегосударственном уровнях. Региональные сообщества и индивиды проявляют многие виды идентичности – этническую, религиозную, политическую, локальные и др. Виды идентичностей взаимосвязаны и часто «накладываются». В иерархии идентичностей нет постоянства.

Долгосрочные (историко-культурные) различия между региональными идентичностями вызваны такими параметрами, как тип и уровень религиозности сообщества, установка на индивидуализм либо корпоративизм, характер и темпы развития. В.А. Ачкасов и С.А. Бабаев отмечают, что в ходе самоидентификации личность может быть ориентирована социокультурными ценностями на идеальный образ прошлого, настоящего

или будущего [11, с. 45-46]. Соответственно, будет различаться выбор стереотипов: традиционализма либо склонности к нововведениям.

Сильное влияние на тип идентичности оказывают также краткосрочные факторы: индикаторы экономического и социального развития, этнический и демографический, социально-стратификационный состав населения, политический режим, система массовой коммуникации, диспозиция политических акторов, тип политических процессов.

Чувство региональной принадлежности обычно растет в условиях общественных кризисов, на стадиях неопределенности и переходных процессов. Это реакция сообщества на дефицит национальной идентичности, заполняющая «ментальный вакуум». В стабильных демократиях Запада региональная идентичность может укрепляться на относительно благополучной «почве». В постсоциалистических же странах рост регионального самосознания, напротив, стал следствием затяжного кризиса. В.М. Лексин, А.И. Ситников и О.Н. Юнина писали в 1990 г.: «Никогда еще со времен феодальной раздробленности государства наш соотечественник настолько не чувствовал себя «существом территориальным», все более зависящим от места жительства, национальности и местной власти...» [12, с. 5]. Только по мере стабилизации новой системы идентичность постепенно перерастает в устойчивое состояние.

Надо предостеречь от смешения терминов «региональное самосознание (идентичность)» и «региональная идеология», «регионализм», что бытует в исследованиях [13, с. 29-41]. Региональная идентичность, по мнению А.В. Баранова, выражает знания о своем месте в мире и отношения к нему на уровне массовой психологии. Идеологии же могут возникнуть только на стадии высокой зрелости идентичностей, в качестве их теоретического конструирования [14, с. 23-31]. Идентичность проявляется в традициях, легендах, приоритетах системы ценностей, этике, обычаях и обрядах, образах [15, с. 32-60, 183-191].

Термин «регионализм» слишком расплывчат и многозначен, чтобы использовать его как синоним политического самосознания. Регионализм, в понимании И.В. Следзевского, – «особая социокультурная реальность»; включает в себя и представления жителей территории, и формируемую на основе представлений «модель обыденной жизни и поведения», что в совокупности образует «культурную форму или воображенную реальность» [16, с. 59]. Но тогда чем регионализм отличается от политической культуры? На наш взгляд, налицо путаница. Регионализм точнее можно определить как движение за повышение статуса субнациональных сообществ, а в другом смысле – вид требований политической партии либо объединения.

Спор о смысле идентичности выводит на проблему выбора методологии исследования. Если мы анализируем самосознание в терминах идеологии, регионализма, риторики элит, то предпочтителен политический конструктивизм. В центр внимания выдвинется роль интеллектуалов, политиков в конструировании идентичности [17, с. 72-98].

Следующий фактор региональной политической культуры – интересы и ценности сообщества. Интерес трактуется как идеальная побудительная сила к действию, осознанная потребность субъекта. Политический интерес – потребность прежде всего во властных полномочиях и ресурсах публичного влияния [18, с. 38-39]. К наиболее значимым региональным интересам можно отнести интерес в благоприятной природной среде и социальных условиях человеческого развития; интересы в достойном уровне доходов, безопасности и правопорядке, в легитимной и эффективной власти, в сохранении и развитии самобытной культуры [9, с. 121-148; 3, с. 68-69]. В каждом обществе складывается своя иерархия интересов, модель их артикуляции и агрегации. Но региональные интересы обычно объемлют все сферы деятельности, связанные с проживанием на территории. Интересы могут быть выражены в прямом действии индивидов и социальных групп или опосредоваться институтами власти. По субъектам интересы делятся на элитные и массовые, социально-групповые, политико-групповые, индивидуальные. Мы считаем схоластичными споры о «реальных и мнимых», «объективных и субъективных» интересах, т.к. все они создаются человеческим сознанием. Более полезна дискуссия о преобладающих мотивах интересов: идеологических (А.К. Магомедов) [19], рационально-экономических (Е.В. Попова) [20], политико-организационных (А.А. Гончарик) и др. [21].

Взаимоотношения региональных и общенациональных интересов подвижны. Постсоветское общество крайне неустойчиво и фрагментировано на всех пространственных

уровнях. Существование региональных сообществ требует от них формулировать и реализовать интересы, подчас резко конфликтующие с интересами страны. Модели взаимодействий политических интересов в российских регионах предложены в монографии под редакцией В.Я. Гельмана, С.И. Рыженкова и М. Бри [22].

Следует учесть, что под региональными и общенациональными интересами в России подразумеваются интересы элит и их клиентел. Увы, большинство населения не имеет устойчивых интересов и не желает выражать их в публичных политических действиях. Таковы проявления патриархальной либо подданнической культуры. Элиты же вырабатывают свои интересы на основе корпоративных потребностей, учитывая мнение масс в той степени, чтобы сохранить власть и улучшить прибыльность своего статуса.

Ценности политической культуры – ее смысловой и мотивационный компонент, концентрированное выражение потребностей и интересов людей. Имеются два основных понимания ценностей: общезначимые свойства реальных и метальных объектов мира; целевые ориентации деятельности людей, «высшие принципы социального действия» (по Т. Парсонсу) [23, с. 77-83]. Ценности – высшая форма установок, которые определяют структуру личности и воспринимаются как усвоенные общественные нормы. Ценности, в отличие от традиций и социальной стратификации, влияют на самосознание изнутри. Ценности – основа мотиваций поведения, обеспечивающая ретрансляцию традиции и сплочение индивидов в сообщество [24, с. 6-32].

Ценности производны от «картины мира», по Р. Редфилду, определяемой цивилизационной системой [25, с. 200-202]. Ценности организованы иерархическим образом: от базовых (экзистенциальных) до инструментальных. Соотношение ценностей во всей иерархии своеобразно во времени и пространстве, подвижно. Типы ценностных систем по признакам – модальности (позитивные и негативные ценности), содержанию, предпочитаемому характеру и стилю действий. Наиболее важны дуальные оппозиции: индивидуализм – коллективизм; материализм – духовность; автономия – зависимость; активность – приспособление к миру; фатализм – волюнтаризм; традиционализм – инновационность; рационализм – морализм; равенство – неравенство.

Углубляясь в исследование российской системы ценностей, определим ее интегративные черты и субкультурное строение. Эмпирическую основу выводов дают социологические опросы Фонда «Общественное мнение», Института социологии РАН – публикации В.О. Рукавишникова [26], М.К. Горшкова [27, с. 281-318], Е.И. Башкировой [28, с. 51-64], И.С. Семеновича [29, с. 5-23], Н.И. Лапина [30] и др. Выяснено, что политика занимает последнее место в иерархии ценностей россиян (на ведущих местах – семья, работа, круг прямого общения). Преобладающий тип ценностей – коллективистский и неэкономический (моралистический), традиционалистский. Сознание россиян «раздвоенное»: один и тот же человек может проявлять полярно противоположные ценности в зависимости от формулировки вопроса анкеты. Так, Е.И. Башкирова установила, что демократические ценности воспринимаются положительно на абстрактном уровне, но скептически оцениваются реальные политические институты, призванные олицетворять демократию и решать проблемы людей [28, с. 56-58]. На такой основе широко распространены разочарованность в демократии, безразличие, упование на сильную персонифицированную власть ради «порядка» (как доказал В.А. Петухов) [31, с. 2, 4, 7]. Ценностное ядро остается идеократичным (не прагматичным), этатистским, патерналистским.

Вертикальная фрагментация ценностей изучена слабо. Социологи, для которых выяснение региональной специфики не являлось задачей исследования, ограничиваются упоминанием центр-периферийных различий. М.К. Горшков пишет: «Чем ближе к типичной российской глубинке, тем сильнее у людей ощущение потерь, которые они понесли в годы реформ». Обычно сравниваются Москва как регион с преобладанием индивидуалистических демократических ориентаций и регионы Центральной России как пример патернализма и конформизма [27, с. 282-284].

Но материалы электоральных исследований Р.Ф. Туровского [32, с. 77-95], А.В. Баранова [33, с. 108-114] доказывают, что региональная палитра политических ориентаций «окрашена» нелинейно. Российские региональные сообщества проявляют весьма контрастные, подчас быстро меняющиеся ценностные ориентации. Объяснить это

можно с помощью модели диффузии политических нововведений, которые распространяются асимметрично.

Результаты. Для политических культур важны различия по полу и возрасту, уровню и характеру образования, профессии, этничности, конфессии в социальной структуре. В традиционных региональных культурах фактор пола очень весом: женщины пассивны и зависимы от политического выбора мужчин. В постиндустриальных обществах половые различия политически менее важны. Возраст влияет на ориентации политической культуры нелинейно. В традиционных сообществах («глубинке» горских аулов и казачьих станиц) молодежь не допускалась к участию в политике, для голосования всей группы важно мнение «стариков». Наиболее продвинутые анклавы (города-столицы и «миллионники»), напротив, демонстрируют более свободный выбор индивидом своих взглядов. Многие полагают, что консерватизм граждан прямо пропорционален их возрасту. Но введем поправку на время социализации разных поколений.

Уровень и характер образования – самый значимый фактор ориентаций культуры. Г. Алмонд и С. Верба отмечали: «Ничто не идет в сравнение с фактором образования по степени влияния, которое он... оказывает на формирование политической позиции. Необразованный человек или человек с ограниченным образованием принципиально отличается от человека с высоким уровнем образования; это совершенно иное политическое лицо» [34, с. 379]. Высокообразованный человек или группа имеют больше знаний и ориентаций в мире политики. Но конфликт ценностей между образованными слоями и властью может вести к протестному поведению, абсентеизму и голосованию против всех кандидатов. Следует различать формальное образование (например, покупку дипломов об окончании вузов) и образование настоящее, подтвержденное знаниями. Препятствием для распространения гражданского типа культуры в регионах России остается воспроизводство элит с преобладанием лиц с техническим и естественно-научным образованием (особенно на муниципальном уровне). Крайне редко в правящую элиту регионов входят социологи, политологи, этнологи. Низок уровень знания иностранных языков и владения компьютерными технологиями.

Профессиональные и социально-стратификационные различия весомы, особенно в ареалах с устойчивым преобладанием отдельных групп. Таковы шахтерские районы, «закрытые» города военно-промышленного комплекса, наукограды, местности с повышенным уровнем безработных и беженцев в социальной структуре.

Заключение. Итак, основные факторы региональной политической культуры включают в себя долгосрочное существование территориального ареала, исторический опыт региона (его традиции); региональную общность людей; региональное самосознание (идентичность); интересы и ценности; социальный состав населения и его ведущие измерения. Региональное сообщество как субъект региональной политической культуры определяется как один из уровней территориальных общностей, члены которых связаны отношениями к пространству своей жизни и отношениями, производными от существования на совместной территории. Основа такой группы – связи и отношения между людьми по поводу различий своих условий жизни. Развитое региональное самосознание (идентичность) – субъективное осознание индивидами и группами своего единства и отличий от членов других общностей. В основе идентичности – чувство принадлежности к «своей» общности.

Примечания:

1. Siegfried A. *Tableau Politique de la France de L'Ouest sous la Troisième République* / Режим доступа: http://fr.wikipedia.org/wiki/Tableau_politique_de_la_France_de_l%27Ouest_sous_la_Troisi%C3%A8me_R%C3%A9publique (дата обращения: 03.05.2013).

2. Patterson S.C. *Political Culture of American States // The Ecology of American Political Culture: Readings* / Ed. by D.J. Elazar, J. Zikmund II. N.Y.: Thomas Y. Crowell Company, 1975. P. 50-61.

3. Морозова Е.В. Региональная политическая культура. Краснодар, 1998. 348 с.

4. Орачева О.И. Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России // Материалы семинара (Тверь, 5–7 марта 1999 г.). Тверь, 1999. С. 29-35.

5. Назукина М.В. Региональная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М., 2012. С. 143-146.
6. Декларация Ассамблеи европейских регионов о регионализме в Европе. Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/sbor.nsf/fe3845c0f6d9b35443256c8a004e8835/0bb87e3076058a9443256c8a0047bc02!OpenDocument> (дата обращения: 03.05.2013).
7. Межевич Н.М., Межевич Н.Н. Региональная политика и политическая география // География, политика и культура. Л., 1990. С. 45-58.
8. Заславская Т.И. Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. С. 215-217.
9. Доленко Д.В. Политика и территория: Основы политического регионоведения. Саранск: НИИ регионологии, 2000. 259 с.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996. 344 с.
11. Ачкасов В.А., Бабаев С.А. «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России. СПб.: Изд-во С.-Петербур. филос. общ-ва, 2000. 144 с.
12. Лексин В.М., Ситников А.И., Юнина О.Н. Системное регулирование территориального развития: экономико-правовой аспект. М.: ВНИИ системных исслед., 1990. 51 с.
13. Чугров С.В. О региональной фрагментации российского политического сознания // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 1. С. 29-41.
14. Баранов А.В. Региональная политическая идентичность: методы исследования в Западной Европе // Социальная политика и социология. М., 2006. № 1. С. 23-31.
15. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
16. Следзевский И.В. Регионализм в Российской Федерации как новая социокультурная реальность // Федерализм и региональные отношения (Опыт России и Западной Европы). Приложение к журналу «Этносфера». М., 1999. С. 54-64.
17. Фадеева Л.А. Политика идентичности: акторы, стратегии, дискурсы // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2012. Т. 2. С. 72-98.
18. Ачкасова В.А. Региональный политический ландшафт России: столкновения интересов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2002. 206 с.
19. Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу». (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., Московский общественный научный фонд, 2000. 224 с.
20. Попова Е.В. Проблемное пространство предвыборного соревнования на федеральных выборах 1995–2004 гг. // Политическая наука. 2005. № 2. С. 68-104.
21. Гончарик А.А. Региональная идентичность в политическом анализе процессов регионализации и формирования регионов // Политическая наука. 2011. № 4. С. 175-186.
22. Россия регионов: трансформация политических режимов / Под ред. В. Гельмана, С. Рыженкова и М. Бри. М.: Весь мир; Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2000. 375 с.
23. Парсонс Т. Системы современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
24. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6-32.
25. Редфилд Р. Большая и малая традиции // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия. М.: Прогресс, 1992. С. 200-202.
26. Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. Изд. 2-е. М.: Совпадение, 2000. 366 с.
27. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.
28. Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества // Полис. 2000. № 6. С. 51-64.
29. Семененко И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество и культура // Полис. 2003. № 1. С. 5-23.

30. Лалин Н.И. Ценностный дискурс как предпосылка гражданского общества в России // Человек и культура в становлении гражданского общества в России / Под ред. С.А. Никольского. М.: Ин-т филос. РАН, 2008. С. 14-24.

31. Петухов В.А. Демократия в восприятии российского общества. М.: Московский центр Карнеги, 2001. 139 с.

32. Туровский Р.Ф. Региональные политические режимы в России: К методологии анализа // Полис. 2009. № 2. С. 77-95.

33. Баранов А.В. Трансформации партий в России на региональном уровне: электоральный аспект (2003–2010 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. СПб., 2011. Вып. 3. С. 108-117.

34. Almond G., Verba S. The Civic Culture Revisited: An analytic study. Boston: Little Brown and Co., 1989. VIII, 421 p.

UDC 323

Long-term Factors of Russia's Regional Political Cultures on Voting Process

¹ Vadim A. Ignatenko

² Yury A. Penitsyn

¹ Kuban State University, Russia

Stavropolskaya street 149, Krasnodar city, Krasnodar Krai, 350040

Dr. (History)

E-mail: politics@kubsu.ru

² Kuban State University, Russia

Stavropolskaya street 149, Krasnodar city, Krasnodar Krai, 350040

applicant

E-mail: vadlen23@gmail.com

Abstract. The article detects long-term factors of Russia's regional political cultures on voting process, defines the categories 'regional society' and 'regional political identity', determines the displays of regional specific character of interests and values.

Keywords: regional political cultures; Russia; long-term factors; influence; voting process.